
МИГРАЦИЯ, РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ: ПАРАДОКС ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ницшке П.*

В статье поднимаются актуальные вопросы, связанные с нарастанием социального неравенства и усилением межстрановых и межконтинентальных миграционных потоков в условиях глобального мира. Особое внимание уделяется мигрантам из Африки и социально-экономическим проблемам Европы, где малограмотные переселенцы не могут решить проблему дефицита высококвалифицированных рабочих. Дан анализ социальным проблемам, вызванным миграционными процессами, и делается заключение, что интеграция переселенцев в европейские общественные системы – это не административный, а сложный культурный процесс, который требует огромных изменений с обеих сторон.

Ключевые слова: глобальный мир, миграция, государство, интеграция, культура, неравенство, национальное самосознание.

The article raises important issues associated with increasing social inequality and strengthening of intercountry and intercontinental migration flows in the global world. Special attention is paid to migrants from Africa and the socio-economic problems of Europe, where illiterate migrants cannot solve the problem of shortage of skilled workers. Social problems caused by migration processes have been analyzed, and it is concluded that the integration of immigrants in the European social system is not an administrative, but a complex cultural process that requires huge changes from both sides.

Keywords: global world, migration, state, integration, culture, inequality, national identity.

I. Влияние миграции в глобализированном мире

В глобализированном мире существует много фактов, свидетельствующих об укреплении национальными государствами своей способности обеспечивать граждан общественными благами. Однако многие глобальные явления представляют угрозу для системы социального обеспечения, которая традиционно связана с обязательствами национального государства. Из-за событий последних двух лет не только для Европейского союза как наднациональной системы, но и для каждой страны – члена ЕС эта проблема стала ассоциироваться также с миграционными процессами. Похоже, национальная солидарность находится под угрозой из-за универсального подхода к проблеме прав человека. Вопрос в том, какой путь легитимации выберет государство в ближайшем будущем и что будет сдела-

---

* Ницшке Петер – доктор философии, профессор, Университет Фехты, Link Campus University (Рим).
E-mail: peter.nitschke@uni-vechta.de.

но в плане интеграции большого количества людей, приезжающих со всего мира в Европу.

Для Европы особое значение имеет ситуация в Африке: примерно 20 млн африканцев ищут убежища, впрочем, большинство из них остаются на континенте. Единственное место, где они могут спастись от нищеты, – соседние африканские государства. Это означает, что проблема миграции особенно актуальна в странах и на территориях с наиболее высоким уровнем голода. «Когда идет большой приток населения на определенную территорию, всегда возрастает давление на существующую инфраструктуру», – подчеркивает один из экспертов в области стратегии развития Африки [Sommerfeld 2016: 7]. Это приводит к эффекту снежного кома в принимающих африканских странах. В свою очередь, все больше людей мигрирует в Европу, однако большинство из них не могут позаботиться о себе в финансовом плане.

II. Угроза европейским государствам всеобщего благосостояния

С начала 2015 г. около 1 млн 330 тыс. человек приехали в Германию в качестве беженцев или претендентов на статус беженца. Среди них около 960 тысяч подали прошение о предоставлении политического убежища до начала 2016 г. [см.: Stocker 2016]. Это примерно столько же, сколько официально зарегистрированных беженцев (за вычетом лиц, посчитанных дважды). Однако далеко не все получают статус беженца – в 90 % случаев им будет отказано. Это означает, что большинство из них либо получают ограниченный статус пребывания, вероятнее всего, в рамках Женевской конвенции о статусе беженцев, либо будут высланы из страны и должны будут вернуться к себе на родину.

Большинство беженцев, приехавших в Германию с 2014 г., являются людьми трудоспособного возраста и часто моложе 35 лет. Тем не менее уровень безработицы среди них особенно высок: так, в начале 2014 г. в четырех федеральных землях Германии было примерно 34 тыс. безработных, а в 2016 г. официально безработных было уже 124 тыс. человек [Siems 2016a]! Четверо из пяти беженцев трудоспособного возраста не имеют оконченного профессионального образования, то есть Германия принимает малообразованных мигрантов, которые, вероятнее всего, останутся за бортом немецкой экономики, требующей определенной квалификации. Подобный вид иммиграции не способствует развитию немецкой экономики, и уж тем более социальной системы в целом. В четырех государствах, являющихся основными источниками миграции, а именно – Сирии, Эритрее, Ираке и Афганистане, по статистике 65 % соискателей остаются без работы до сих пор [Ibid.].

В принципе, миграция дает определенные преимущества любому открытому обществу, которое в среднесрочной или долгосрочной перспективе извлекает определенную выгоду из новаторских идей мигрантов не только в экономике, но также в социальной сфере и культуре в целом. Например, в промышленности Германии наблюдается заметный дефицит рабочей силы, который достаточно трудно компенсировать, и поэтому беженцы здесь вполне пригодились бы. Однако проблема заключается в большом количестве мигрантов и отсутствии у них квалификации в профессиях, востребованных на рынке труда. Таким образом, мигранты и беженцы, приезжающие в страны с более высоким уровнем заработной платы, обладают преимуществом лишь в том случае, если имеют необходимый уровень образования. Большинство мигрантов, прибывших в Германию

начиная с 2015 г., не относятся к этой группе. Расходы на интеграцию увеличивают не только многочисленные неграмотные беженцы, которые прежде всего должны выучить немецкий язык, но также и малоквалифицированные работники из Ирака, Сирии или Афганистана, поскольку последние едва ли могут интегрироваться в немецкий рынок труда. На сегодняшний день нет международных исследований, которые должным образом проанализировали бы положительное или отрицательное влияние низкоквалифицированных беженцев на рынок труда стран с высоким уровнем заработной платы [см. также: Greive, Kaiser 2015]. В этой связи можно привести положительный пример Майами в 1980-е гг., когда в течение нескольких месяцев во Флориду переехали более 100 тыс. кубинских беженцев, которые увеличили трудовые ресурсы на 7 %, и тем не менее заработная плата разнорабочих не уменьшилась. Конечно, в этом случае кубинская община достаточно быстро и эффективно интегрировала вновь прибывших без какой-либо помощи со стороны государства.

Государству с развитой социальной системой приходится тратить на мигрантов финансовые ресурсы, которые могли бы быть направлены в другие сферы, например на образование или развитие общественного транспорта. Кроме того, интеграция беженцев – чрезвычайно сложный и достаточно длительный процесс. Это сложнейший поиск баланса между немецким населением и иммигрантами: в то время как уровень занятости в немецком обществе составляет около 60 %, среди беженцев и соискателей статуса беженцев работают только примерно 11 %, несмотря на активные усилия государственных служб по их трудоустройству. В 2016 г. уровень безработицы среди беженцев составлял 52 %, в то время как среди немецкого населения – только 6,1 % [Stocker 2016]! Этот дисбаланс перегружает немецкое общество, особенно его социальную систему. Подобные структурные изменения наблюдаются и в других странах – членах ЕС. В этом отношении растущее недовольство или сопротивление притоку мигрантов вполне объяснимо. Их рассматривают как внедрение в систему социального обеспечения европейских государств – и, по сути, это так и есть!

Преподаватель Университета Гумбольдта, голландский социолог Рууд Коопманс, занимающийся проблемами миграции, критически оценивает сегодняшний приток беженцев в ЕС, поскольку массовая иммиграция происходит без какого бы то ни было систематического отбора со стороны принимающих стран, что, очевидно, не будет способствовать улучшению национального рынка труда в ЕС. Коопманс заявляет, что «в большинстве обществ мусульмане при ассимиляции приспособляются тяжелее, чем другие группы мигрантов» [Siems 2016b]. В чем причина? В гордости (праведной вере) или в расистском высокомерии? Кроме того, Коопманс скептически относится к преувеличенно оптимистичным представлениям Комиссии ЕС (а также немецкого правительства) о значении мигрантов в экономике [*Ibid.*]: «Не всякая иммиграция полезна для страны. Некоторые иммигранты, наоборот, усугубляют проблемы в социальном государстве. Только когда мигрант интегрируется в рынок труда, общество может извлечь из этого выгоду».

III. Равенство и неравенство в национальном государстве

Обе стороны процесса – и принимающее общество, и прибывшие беженцы – должны рассматривать интеграцию как инвестицию. Это в первую очередь касается затрат принимающего общества. Кроме того, встает вопрос о социальной

целостности общества. Стимулировать и выработать механизмы правового отбора исключительно в соответствии с немецким административным правом оказывается недостаточно. Это нечто больше, а именно – вопрос значения и цели социальных систем. Таким образом, необходимо вновь вернуться к проблеме пределов национальной солидарности, как внутренней, так и внешней. Ожидать, что еще один потраченный миллиард евро поможет контролировать интеграцию, нереалистично и опасно. Параллельные сообщества, состоящие из семей иностранных рабочих, обнаруживаются не только в Германии, но также во Франции и Нидерландах, а это говорит о том, что проблему не решить только лишь распределением финансов. Интеграция – это, в конце концов, не административный, а сложный культурный процесс, который требует огромных изменений с обеих сторон.

Именно бедность заставляет переезжать в Европу людей из стран Ближнего и Среднего Востока, где государство неспособно или не желает решать серьезную проблему социального неравенства. В целом, без учета ситуации гражданской войны в Сирии и Ираке, надежда на лучшую жизнь является основной причиной массового притока беженцев из этих стран. Однако большинство людей из стран арабского мира приехали в Европу не ради демократических прав и свобод. Следовательно, серьезные конфликты норм с беженцами в странах – членах ЕС неизбежны. В одном из интервью немецко-сирийский политолог Бассам Тиби объясняет принцип достойного мужчины-мусульманина следующим образом: «Мусульманину разрешают временно проживать в неисламском обществе. Но ему не разрешено присоединиться к этому обществу. По такому принципу воспитаны многие» [Seibel 2016].

Тиби обращается к своему недавнему опыту в Американском университете в Каире: «Нет никакой демократии. Это не обсуждается. Полицейский говорит людям, куда нужно идти. Когда эти люди приезжают сюда и встречают мирных и дружелюбных полицейских, они думают, что этот человек никак не может быть полицейским, а лишь шутком. Они чувствуют себя не свободными, а растерянными» [Ibid.]. У иммигрантов есть весьма смутное представление о своем положении, поскольку по своей сути предписания *не являются указаниями*. Они унифицированы только по форме, но не обладают должной жесткостью законов. Это приводит к постоянным нарушениям норм со стороны мигрантов.

Вот как Тиби критически оценивает решение Меркель в конце лета 2015 г.: «В Америке отбираются квалифицированные иммигранты, в нашем случае все по-другому. На нас катится демографический снежный ком. <...> И это еще не предел. Я не был в Египте в течение десяти лет, и с тех пор население здесь увеличилось еще на 15 миллионов человек. Все хотят приехать в Германию, включая университетских профессоров. Я учился в Камеруне, в Сенегале, в Нигерии, я знаю Африку очень хорошо. На Черном континенте нигде нет демократии. Бедность растет. В Ливии будет миллион бедняков, и проблема бедности не будет решена» [Ibid.].

На протяжении последних десятилетий принимающие страны ЕС испытывают много трудностей с интеграцией и помощью бывшим иммигрантам. Как это ни парадоксально, после переезда семьи в страну назначения часто наблюдается не интеграция, а обособление мигрантов. В Германии это относится, в частности, к иностранным рабочим из Турции [Siems 2016b]: «Когда семьи переезжают

и создают локальное сообщество, мужчины внезапно превращаются из современных мужчин в консервативных отцов семейства».

IV. Переосмысление национального самосознания

Между тем очевидно, что в странах – членах ЕС растет определенное анти-мигрантское движение. Не в последнюю очередь решающим моментом для его сторонников стал выход Великобритании из Евросоюза. Однако изменение отношения к проблеме миграции отмечается во всем мире: от избрания Д. Трампа в США, отказа Австралии принимать беженцев, незаконно прибывших морским путем, до запрещения представителям мусульманского меньшинства Мьянмы мигрировать в соседние государства (включая Бангладеш). Как сказал репортеру пожилой турецкий участник демонстрации против арабских и афганских беженцев из Греции в порту туристического города Дикили: «Я против беженцев, потому что моя жизнь на первом месте» [Video-Reportage 2016]. При таком положении дел стратегия, которую можно назвать возвращением к национальному государству, выглядит предпочтительной. Как ни странно, национальное государство, которое исторически обесценилось и ранее рассматривалось как устаревшая модель в рамках дискуссии о глобализации, в ближайшем будущем может сыграть важную роль. Это парадокс, поскольку именно национальные (в большинстве небольшие) государства не смогли урегулировать массовую миграцию и справиться с ней.

По сути, есть еще один аспект, о котором С. Хантингтон написал в своей замечательной статье в журнале *Foreign Affairs* [Huntington 1993]. Новая мировая парадигма *столкновения цивилизаций* является не просто конфронтацией культурных концепций в цивилизационном масштабе, но также переосмыслением, которое Хантингтон обозначил как *коренизацию (Indigenization)*. По его мнению, это означает переориентацию норм и культурных ценностей, которая наблюдается в государствах, особенно тех, где отсутствовало ядро идентичности, в основном сформулированной в рамках *модерна*, то есть: «Глобализация, таким образом, является формой ре-коренизации» [см.: *Ibid.*; *Idem* 2002; Nitschke 2014]. *Возвращение к корням* – это призыв к действию для всех тех, кто чувствует, что глобализация заполнила все вокруг, а национальная элита не понимает или игнорирует их интересы. Очевидно, коренизация работает в качестве диалектического процесса внутри глобализации и ведет страны первого мира к тому, что отдельное государство, будучи социальной системой и системой благосостояния, должно будет защищаться всеми средствами от чужестранцев, въезжающих в страну. В настоящее время мы наблюдаем, что переориентация на национальную солидарность стала создавать напряженность для национальных систем социального обеспечения. Политические партии и объединения не могут ответить на вопрос, нужна ли нам обязательная всеобщая солидарность по правам человека, или ее можно развивать в рамках национального государства. Последнее предполагало бы также целенаправленную защиту системы социального обеспечения стран первого мира от массовой иммиграции из стран третьего мира. США – традиционная целевая страна для миграции, куда до сих пор приезжает большое количество мигрантов, в том числе незаконных. В американском обществе происходят определенные демографические изменения, которые влияют практически на все сферы и особенно – на предпочтения на выборах. Например, в 1980-е гг. латиноамериканцы составляли примерно 5 % американского населения, а уже к концу

первого десятилетия XXI в. их общая численность составила более 15 % [Kurth 2016: 36]! Соответственно, меняются основные направления национальной политики: в 2008 г. приблизительно 70 % латиноамериканцев проголосовали за Обаму [Ibid.: 42]. Это, несомненно, является одной из основных причин избрания Дональда Трампа. Чем больше социальные последствия мультикультурализма воспринимаются в странах первого мира как финансовое бремя, тем более острой становится проблема достижения согласия по вопросам социальной справедливости, особенно в государствах с развитой социальной системой. *Столкновение цивилизаций* уже больше не столкновение, оно превратилось в многочисленные социальные, экономические и в большей степени культурные противоречия, препятствующие национальной солидарности общества [см. также: Nitschke 2016].

Перенапряжение государства всеобщего благосостояния приводит, в свою очередь, к кризису легитимации национальной системы: появляется неразрешимый конфликт между всеобщностью (прав человека) и государственным суверенитетом. Так называемое популистское движение, усиливающееся во всех демократических странах, во многом схоже с неонацистскими формациями среднего класса (или его групп), чьи интересы игнорируются политической элитой. Когда международные неправительственные организации в целях пропаганды объявляют беженцев *новыми* людьми, которым разрешается ехать куда угодно и брать все что угодно на том основании, что они люди, то граждане государства, будучи налогоплательщиками, задаются вопросом: почему он (или она) должен поддерживать это? В конце концов, глобального равенства не существует [см. также: Corry 2013: 169 ff.].

У. Границы и открытые общества в Европе

Призыв к закрытию границ или блокированию миграции является логическим результатом гражданского сознания. В этой связи все экономические блага, производимые трудовым населением, должны управляться и распределяться в рамках национальных структур, а не мировой политики. К тому же ЕС не в состоянии реально обеспечить соответствующую организационную структуру на надгосударственном уровне, поскольку у него нет контроля над соответствующими функциями и институтами.

Возьмем, к примеру, безопасность внешних границ ЕС в Средиземноморье. Согласно оценке Федерики Могерини, Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности, в одной только Ливии примерно 500 тыс. беженцев и мигрантов готовы в любую минуту пересечь Средиземное море на корабле или лодке [см.: Posener 2016: 3]. Могерини считает усилия европейской миссии «София» в Средиземном море успешными: за шесть месяцев были арестованы 60 нелегальных перевозчиков мигрантов и уничтожены 100 лодок для перевозки людей! Это похоже на шутку, поскольку получается примерно 10 нелегальных перевозчиков в месяц. При этом было спасено около 13 тыс. человек. «София» просто облегчает европейцам муки совести, но не более того. В условиях массовой миграции, которая рассматривается как угроза социальному балансу в странах – членах ЕС, «София» вряд ли является решением. В конце концов, сама Могерини заявляет: «Мы, европейцы, в конечном счете должны рассматривать массовую миграцию людей как феномен нашего времени. Мы не сможем остановить миграцию в Европу, но мы можем взять ее под контроль» [Ibid.]. Вопрос, однако, заключается в том, каким образом.

Является ли мультилатерализм ответом на этот вызов? Проблемы беженцев, или скорее проблемы миграции, настолько масштабны, что в одиночку национальные государства определенно не способны их решить. Государства – члены ЕС достигли соглашения о создании общей наднациональной концепции, и *Шенгенское соглашение*, регламенты *Дублин I, II и III* кажутся правильными шагами в этом направлении. Однако в недалеком прошлом мы наблюдали, что подобного рода соглашения не работают – или, точнее, работают до тех пор, пока не начинается массовая миграция, которая в ближайшие годы станет постоянной проблемой, поскольку многие люди, особенно в Африке южнее Сахары, считают Европу землей обетованной, *Утопией*. Таким образом, проблемы миграции требуют нового прагматичного подхода, который может быть реализован в рамках национальных государств. Однако необходимо четко различать риторику идеалистов о наднациональном сознании и реальные структуры и возможности отдельных государств – членов ЕС. Президент Совета по международным отношениям заявляет следующее [Haass 2016: 2]: «Политическая действительность такова, что большинство правительств не готово принять определенное число беженцев или конкретную долю от общего числа беженцев». ООН также абсолютно не оправдывает надежд, поскольку ограничивается риторическими дискуссиями [*Ibid.*]: «Мы слышим много разговоров в Нью-Йорке. Однако жестокая правда состоит в том, что существует только некоторая *общность интересов* на международном уровне. И пока это так, миллионы мужчин, женщин и детей будут подвергаться реальным опасностям и иметь мрачные перспективы на будущее».

Что же нужно сейчас предпринять? По сути, ЕС должен сформулировать единые требования относительно предоставления мигрантам права на убежище, и они должны применяться во всех странах ЕС. Впрочем, это означало бы, что Германии придется пересмотреть исторически сложившееся единственное положение Конституции ФРГ о праве убежища (статья 16а) и привести его в соответствие со стандартами Евросоюза. Регламент ЕС и Конституция Германии больше не отвечают современному пониманию, потому что были созданы в те времена, когда волну беженцев и иммигрантов не рассматривали в качестве рабочей силы, как сейчас. Также не стоит верить в то, что беженцы уедут на родину, когда закончится война, учитывая уровень жизни и огромные возможности потребления в странах первого мира.

Что же может сделать ЕС в сегодняшних условиях? Конечно, недостаточно того, что некоторые страны – члены ЕС, например страны «балканского маршрута», закрыли границы. По сути, для Евросоюза требуется стратегия на опережение. Необходимо защищать внешние границы и свои территории лучше, чем это делается сейчас. Просто увеличить численность пограничного агентства *Frontex* на две тысячи человек – недостаточно. Чтобы обеспечить безопасность внешних границ ЕС, потребуется в 100 раз больше сотрудников (если ЕС будет действовать как наднациональная система). Опережающая стратегия защиты от беспорядочной массовой иммиграции должна теперь рассматривать страны Ближнего и Среднего Востока по всему Средиземноморью. Это означает, что потребуется больше средств для разработки особой стратегии по обеспечению полицией безопасности всех стран – членов ЕС. К тому же следует заметить, что план, предложенный немецким министром Отто Шили (в его бытность министром внутренней безопасности в 2004 г.), на самом деле все еще может оказаться эффективным и гораздо более результативным, чем когда-либо. Согласно концепции Шили,

ЕС должен организовать в арабских странах Средиземноморья различные региональные приемные пункты для предполагаемых иммигрантов и политических беженцев [см.: Posener 2016]. Общеизвестно, что этот план не был реализован. С тех пор произошло много событий, однако адекватный подход для предотвращения миграции из африканских стран так и не был разработан. ЕС не проявлял никакой активности на протяжении 12 лет, из которых 11 приходится на время правления канцлера Меркель в Германии!

В настоящее время партия Ангелы Меркель пересматривает текущую политику, демонстрируя при этом полную беспомощность и невежество. *Африку можно спасти только в Африке*. Но при этом европейцы должны быть готовыми что-то сделать. Одной лишь благосклонностью и небольшой благотворительностью проблему не решить. Позволить людям просто приехать в Европу и тем самым подтолкнуть социальную систему к банкротству – также не выход из ситуации. Это еще раз подтверждает основной принцип глобализации: динамические изменения в системе не будут ждать политиков, которые все еще ориентируются на вчерашний день, потому что *вчерашний день* на самом деле уже очень далеко в прошлом.

Литература

- Corry O. Constructing a Global Polity. Theory, Discourse and Governance. Houndmills; New York, 2013.
- Greive M., Kaiser T. So beeinflussen Flüchtlinge die Löhne // Die Welt. 2015. Oktober 7.
- Haass R. N. UN Versagt in der Flüchtlingsfrage // Die Welt. 2016. August 19.
- Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. Pp. 22–49.
- Huntington S. P. Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert. 7. Aufl. München, 2002.
- Kurth J. R. A History of Inherent Contradictions – The Origins and End of American Conservatism // American Conservatism / Ed. by S. V. Levinson, J. Parker, M. S. Williams. New York : Nomos, LVI, 2016. Pp. 13–54.
- Nitschke P. Zivilisationskonflikte – Samuel P. Huntingtons “Clash of Civilizations” in der Retroperspektive // Der Prozess der Zivilisationen – 20 Jahre nach Huntington. Analysen für das 21. Jahrhundert. Berlin, 2014. S. 13–44.
- Nitschke P. Die Diffusion der Zivilisationen // Wissenschaft und Frieden, 34. 2016. Jg. November. H. 4. S. 12–14.
- Posener A. Gute Idee, aber zu spät // Die Welt. 2016. November 15. S. 3.
- Seibel A. Sehnsucht nach Heimat // Die Welt 2016. Juli 4. S. 8.
- Siems D. Flüchtlingswelle erreicht den Arbeitsmarkt // Die Welt. 2016a. Juli 1. S. 12.
- Siems D. Wir brauchen strenge Regeln // Die Welt. 2016b. Juli 8. S. 8.
- Sommerfeld F. Wirklich Arme fliehen selten nach Europa // Die Welt. 2016. Oktober 12. S. 7.
- Stocker F. Einerseits, andererseits // Die Welt. 2016. August 27. S. 9.
- Video-Reportage // Die Welt. 2016. April 3. URL: <http://www.welt.de/politik/ausland/article153942875/Ich-will-die-Fluechtlinge-nicht-mein-Leben-geht-vor.html>, loaded on 13th of April 2016.